

СИНЕКДОХА КАК СОЗДАНИЕ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА НА ПРИМЕРЕ РАННИХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА

Баглай А.С.

Научный руководитель – доцент Смолина А.Н.

Сибирский федеральный университет

Начиная с 1880 года А.П. Чехов стал сотрудничать с малой прессой – журналами «Осколки», «Стрекоза», «Минута», «Будильник», «Зритель» и др., в которых публиковались его ранние произведения – комические зарисовки, повести, сценки, юморески. Лингвостилистические особенности большей части рассказов А. П. Чехова периода сотрудничества с журналами определяются их комической направленностью: в ранней прозе писателя 1880-1886 годов встречаются различные средства, используемые для создания комического эффекта, как то: алогизмы, анаколүф, антифразис, гипербола, окказионализмы, плеоназм, синекдоха, говорящие имена и фамилии. Зачастую средством создания комизма становится метафора. Данная статья даёт краткую характеристику комической роли синекдохи.

Актуальность настоящей работы состоит в подробном анализе ранней прозы Чехова, акцентировании внимания на создании комизма посредством синекдохи, изучении функциональной роли этого тропа в контексте раннего творчества автора. По данным ЛЭС, синекдоха является частным случаем метонимии – связь по количеству. Эту же точку зрения можно встретить в работах Е.В. Клюева, М.Петровского, Д.Э.Розенталя и М.А. Теленковой, Т.Г. Хазагерова и др.

Анализ функционирования синекдохи проводился на материале следующих произведений: «В овраге», «В вагоне», «Встреча весны», «Дачники», «Двадцать девятое июня», «Жены артистов», «Живой товар», «Жизнь в вопросах и восклицаниях», «За яблочки», «Забыл!!», «И то и се», «Идиллия, увы и ах!» и т.д., всего около полутора сотен ранних юмористических рассказов Чехова.

В лингвистической литературе сегодня выделяются следующие типы синекдохи:

- называние части вместо целого (73 примера из проанализированного материала); *Вокруг коричневой шеи старичка обвивалась хорошенькая ручка Гришиной невесты...* («Идиллия – увы и ах!»); *Тысячи шуб* идут в ссудные кассы на съедение голодной моли. («Встреча весны»); *Вы не любите, а душиите искусство, чтобы чёрт вас взял! И я мог жениться на тебе, немецкая холодная кровь?!* («Жены артистов (перевод с португальского)»); *Воровская душа* должна быть смела. («За яблочки»); *Я глядел в спину архивариуса, и мне казалось, что эта спина не плачет только потому, что боится нарушить общественную тишину.* («Речь и ремешок»); *Моя старшая дочь! — говорит хозяйка и указывает на ситцевое платье»* («Неудачный визит») и др.

- употребление единственного числа в собирательном значении (21 пример); *Писатель - это вечный сирота, изгнанник, козел отпущения, беззащитное дитя...* («Исповедь, или Оля, Женя, Зоя»); *Я увидел в человеке такие чудесные качества, каких ранее и не подозревал* («Исповедь»); *Женщина есть лучезарная точка в уме человеческом, но она может погубить человека. Злостное существо!* («Мошенники поневоле (новогодняя побрехушка)»)

- употребление общего вместо частного (18 примеров); - *Ах... Ну, теперь понятно. Это рапсодия Листа, номер второй... <...> Оно самое и есть! Роденький! - Да, Листа трудно спеть... Вам какую же, original или facilité? («Забыл!!»)*

- употребление родового названия вместо видового (19 примеров, излюбленный приём Чехова – наименование человека по его профессии или отличительному внешнему признаку); *Окно это выходило из комнаты, в которой обитала на летнем положении молодая, только что выпущенная из консерватории, первая скрипка, Митя Гусев и Первая скрипка подняла голову («Который из трёх»); Эта виолончель знает ноты, но не хочет знать души! и Смотрит в ноты, рыжая («Два скандала»)*, а также показательный пример из рассказа «Контрабас и флейта», к которому мы обратимся далее

- употребление множественного числа вместо единственного (7 примеров); *В Бердичевах, Житомирах, Ростовах, Полтавах - грязь по колена.* («Встреча весны»); *«Осмеём и к охотнорядским Шопенгауэрам в науку отдадим»* ("Скоморох").

Исходя из вышеописанной классификации, можно сделать вывод, что в ранних рассказах Чехова реализуются практически все виды синекдохи.

В рассказах А. П. Чехова 1880-1886 годов синекдоха обычно используется с целью создания комической характеристики, выражения негативной оценки в сатирической или иронической тональности.

Имеет смысл подробное рассмотрение функционирования синекдохи в одном из рассказов А.П.Чехова «Контрабас и флейта». Весьма значимой частью жизни, влияющей на характер главных героев, Ивана Матвеевича и Петра Петровича, становятся музыкальные инструменты, на которых они играют, и их названиями автор именует флейтиста и контрабасиста, чем сравнивает музыкантов с их инструментами. Синекдоха здесь выносится в название произведения, благодаря ей в самом рассказе характеристики персонажей приобретают ироническое звучание: *«Нежную, воспитанную флейту стало коробить на первых же порах. Ей особенно не понравилось, что контрабас каждый вечер, ложась спать, мазал себе живот какой-то мазью, от которой пахло до самого утра протухлым жареным гусем, а после мази целых полчаса, пыхтя и сопя, занимался гимнастикой, то есть методически задирает вверх то руки, то ноги. - Для чего это вы делаете? - спрашивала флейта, не вынося сопенья».* Синекдоха здесь становится средством выражения авторской иронии и создания характеристики-противопоставления персонажей: *«Прятели сильно расходятся и в своих привычках. Так, контрабас пил чай вприкуску, а флейта внакладку, что при общинном владении чая и сахара не могло не породить сомнений. Флейта спала с огнём, контрабас без огня».*

При авторской задаче создать комический эффект и дать оценку синекдоха играет особую роль в дискредитации объекта описания, его уничтожении, особенно это касается использования типа «часть вместо целого». Так, пренебрежительное, ироничное отношение автора передаётся за счёт именованного персонажа по части его одежды: *«Вечер. По улице идёт пёстрая толпа, состоящая из пьяных тулупов и кацавеек»* («Ряженые»), *«На верхних скамьях мелькают гимназические фуражки»* («На волчьей садке»), *«Соломенная шляпа ворочается и во всеуслышание сердится на свои непослушные ноги»* («В вагоне»). Эти примеры иллюстрируют возможности синекдохи в обезличивании объектов изображения.

Ирония и отрицательная характеристика описываемых объектов зачастую создаётся альянсом синекдохи и других тропов и фигур, обладающих комическим потенциалом. Так, в рассказе «Рыцари без страха и упрёка» в начале писатель прибегает к говорящему названию: *«На станции «Разбейся» в апартаментах начальника станции <...>»* или в рассказе «Тайны ста сорока четырёх катастроф, или

русский рокамболь»: «В четыре часа той же ночи я, сидя в купе второго класса, мчался от станции «Аневризма» к станции «**И вы не погибли?!**»). Подобные «говорящие» фамилии, имена, прозвища, названия – наиболее частотный приём А. П. Чехова, используемый при создании комических образов. В рассказе «Рыцари без страха и упрёка» говорящее название соединяется с говорящей фамилией («г. **Укусилов**»), макаронизмом (*Начальник мечтал в тот вечер раки а ла бордалез кушать*). Комизм описанию придаёт и вступающая в слияние с перечисленными приёмами синекдоха: «**Между *форменными путейскими сюртуками* виднелись *цвета женских modes et robes* (модных нарядов (франц.)), попадались и *детские мордочки***».

Итак, синекдоха является одним из наиболее частотных тропов, используемых А.П.Чеховым в ранних юмористических рассказах. Автор использует эту разновидность метонимии для создания комического эффекта, создания иронии, подчас переходящей в сарказм, создания ярких образов. Синекдоха в контексте ранней юмористической прозы А.П.Чехова приобретает семантику оценочности, как правило, передает пренебрежительность, насмешку.